

МУМУ, ПРИНЕСЕННАЯ В ЖЕРТВУ ТЕАТРУ

Дмитрий Крымов, долгое время не покидавший сцен родной Школы драматического искусства, вместе со своими артистами и приглашенным из СТИ Женовача Алексеем Вертковым, представил «комедию дель арте» по произведениям Тургенева на сцене Театра Наций.

Своим новым спектаклем Крымов продолжает серию постановок о классиках: до этого в ШДИ он представил «Своими словами. А. Пушкин. “Евгений Онегин”» и «Своими словами. Н. Гоголь». «Муму» тоже получилась своеобразным вольным театральным сочинением, рассказанным «своими словами». Крымов взял известный всем сюжет и оставил из него только имена персонажей: Муму у него не собака вовсе, а племянница режиссера, который одновременно и Тургенев, и Охотник, и просто Леша (Алексей Вертков), Муму — девушка лет десяти, учащаяся в некой театральной студии и живо интересующаяся

тем, как устроен современный театр. Крымов показывает нам «спектакль в спектакле»: Леша ставит в театре, а именно в Театре Наций, с художником Евгением Мироновым и директором Марией Ревякиной (шутки по этому поводу будут неустанно звучать из уст актеров), «Записки Охотника», но не рассказы целиком, а только отдельные эпизоды, связанные преимущественно с описанием природы: утро в лесу, появление облаков на небе, грозовые тучи, надвигающаяся гроза и упоительная, сладостная летняя ночь. В постановке по «Запискам охотника» из героев есть только сам рассказчик, зачитывающий отрывки из Тургенева, иллюстрированные весьма красноречивым визуальным рядом. Тут и облака плывут по небу, и небо расцветено всевозможными красками, и костер горит, и птицы летают и поют, и прочая живность появляется — то огромная бутафорская лошадь, то собаки, то спящие по стенам игрушечные мыши.

Охотник — А. Вертков, Полина Виардо — Е. Юрьева, Помощник режиссера — И. Сухорецкая

Муму – М. Смольникова, Герасим – К. Муханов

Режиссер уже второй раз в этом году принимает попытку поставить современную «комедию дель арте». Его сентябрьская премьера «Безприданница» тоже была обозначена как «черная комедия дель арте». Как в случае с Островским, так и с Тургеневым никаких особых признаков театра масок в спектакле не обнаружилось. Есть тут разве что свободная «импровизация» на тему жизни театрального закулисья, фантазия режиссера, сочинившего трогательную, щемящую историю о театре и столкновении его с реальной жизнью. Время и место действия очень условны, как будто в день сегодняшний перенеслись и сам Тургенев, и герои его произведений, и Полина Виардо.

Зрителя знакомят с типичными представителями современной театральной индустрии: режиссер, он же Охотник, он же Тургенев, или просто Леша, помощник режиссера (**Инна Сухорецкая**), заезжая звезда Полина Виардо (**Елизавета Юрьева**), еще одна заезжая звезда, приглашенный иностранный режиссер преклонного возраста пани Гржибовская (**Алина Ходжеванова**), рабочий сцены, глухой великан Гера-

сим (**Константин Муханов**), и бедная родственница, племянница Леша Муму (**Мария Смольникова**). В этом закулисном мире театральной реальности только Муму и есть подлинное воплощение жизни, непосредственности, наивности, только она и вносит в действие радость познания, как будто пропускает через себя все увиденное, всю магию театра, зритель же видит спектакль ее глазами. Эта блестящая роль Марии Смольниковой: неуклюжая, заикающаяся, капризная, хнычущая племянница режиссера, взятая им на репетицию, неустанно задающая вопросы самого разного рода и свойства, вплоть до того, на какой машине ездит художник театра Евгений Миронов, Муму до самой последней минуты своей жизни, так неожиданно и глупо оборвавшейся, держит в напряжении весь зал. Она и вправду напоминает собачонку с маленьким виляющим хвостиком, юркую и хулиганистую, за которой нужен глаз да глаз: все время норовит устроить какой-то беспорядок, перепутать реквизит, разбить, разлить, сломать, вывинтить, нажать не туда, куда нужно. Она вскрывает театральный механизм

Охотник – А. Вертков

Сцена из спектакля

Муму – М. Смольникова

легко и непринужденно, и благодаря ей статичное действие, холодный репетиционный процесс приходит в движение, приобретает объем и значимость. Все остальные участники действия — лишь высококвалифицированный обслуживающий персонал, профессионалы, знающие, как нужно ставить спектакли. Прохладно и отстраненно читает отрывки из Тургенева Охотник — режиссер Леша. Как настоящий рассказчик, а не герой повествования, попутно объясняя зрителю тайны театральной машинерии: из какого материала сшиты плывущие облака, как дорого стоит развести искусственный костер на сцене, чтобы он выглядел как настоящий. В соседнем зале, невидимом глазу зрителя, идет вторая репетиция: там царствует пани Гржибовская, периодически врывающаяся на главную сцену и мешающая всем своими занудными разглагольствованиями и желанием выкинуть в жизнь каждого, особенно волнует ее монтировка Гера и здоровье его матери. Пани Гр-

жибовская — своего рода реинкарнация барыни из повести «Муму», мешающая всем жить своими капризами. Мечется туда-сюда, исполняя приказания, помощник режиссера, лишь однажды позволившая себе произнести страстный монолог, в котором она цитирует Станиславского, — о тяжелой судьбе людей ее профессии, вынужденных контролировать в театре буквально все и вечно остающихся в тени чужой славы. Вальяжно шелестя платьем, появляется прекрасная, нежно щебечущая по-французски Полина Виардо: холодная странствующая знаменитость в роскошном пышном наряде.

Сбоку на сцене примостился за низеньким столиком Герасим, молчаливое, изредка мычащее что-то нечленораздельное существо, с огромной механической деревянной рукой («ведь у него просто Минина и Пожарского рука», как пишет Тургенев). Он постоянно что-то ест, и вроде бы ничем не занят, а на самом деле все на сцене работает только благодаря ему. Он тот невидимый рабочий сцены, руками которого создается все это великолепие, существует волшебство. И хотя Охотник рассказывает нам о производстве спектакля весьма буднично, временами зритель просто не может оторвать глаз от всей этой красоты: пушистых облаков, звездного неба, костра, излучающего яркие, мимолетные искорки, душевной атмосферы тепла и уюта, как будто исходящие от этого ненастоящего огня, вокруг которого так и хочется посидеть вместе с Герасимом, жадно поедаящим яблоко, восторженной Муму и лошадью, мирно поднимающей и опускающей свою морду. Зная заранее, что Охотник работает над созданием прекрасной театральной условности, зритель в нее верит безоговорочно: смеется над парадом собак, который Леша устраивает в начале спектакля (кого тут только нет — и Догоняй, и Раздолбай, и Колдун, и Рубин, и Франт, маленькие заводные собачонки, огромные пушистые собаки и два настоящих живых пса врываются на сцену), пугается падающих с неба убитых птиц, которые периодически подстреливаются Охотником, устрашаетея сочащейся из них крови, сочувствует Муму, тщетно пытающейся найти себе тут место

Охотник – А. Вертков

и так его и не находящей. Муму у Крымова получилась в общем-то вертлявой, капризной девчонкой, избалованной гаджетами, вечно требующей внимания, жадно интересующейся всем, что ее окружает, и при этом молниеносно теряющей интерес к одному и переключающей внимание на что-то другое, но при этом она так безыскусна, так непосредственна, так по-детски неуклюжа и мила, к ней сразу же проникаешься симпатией. Ее высокий плаксивый голосок так органично влетается в ткань спектакля, что неожиданный, резкий, трагический финал кажется чудовищной оплошностью и недоразумением. Внезапное короткое замыкание на сцене во время репетиции Лешиного спектакля, начинается пожар, пани Гржибовская настойчиво повторяет: уберите ребенка со сцены, уберите ребенка со сцены, Гера не сразу реагирует на призывы польской дивы, а потом, видимо, вняв ее причитаниям, недолго думая – сталкивает Муму в люк. Вот так и оборвалась жизнь племянницы. Доигрались в свой театр. Допрыгались. За шутками-прибаутками про Миронова, Ревякину, Театр Наций, СТИ Женовача, за карнавальной похоронной процессией с огромными ростовыми кукла-

ми и очень натуральными плакальщицами (одна из сцен ставящегося Лешей спектакля), за всеми этими фокусами со светом, цветом, огнем, летающими и падающими птицами, даже за «игрой» в любовь между Тургеневым-Охотником-Лешей и Полиной Виардо, исполняющими нежный и чувственный танец, все эти верные труженики театра упустили главное, выбросили за борт невинное существо – девочку Муму, которая «никому не сделала ничего плохого». Истовая увлеченностью своей профессией оборачивается трагедией: так законы жизни оказываются сильнее театра, а театр, в свою очередь, не может воспарить до эмпирических высот.

Спектакль Крымова – это и признание в любви театру как таковому, с пониманием всех его противоречий и сложностей, это и признание в любви жизни, воплощенной в девочке-подростке, которая столкновения с театром не выдержала, но главное – это признание в любви Тургеневу, чья проза с таким предельным вниманием, трепетом и нежностью «оживает» в этой постановке.

Дарья АНДРЕЕВА
Фото Георгия БЕЗБОРОДОВА